

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 1(09)

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф. ГИЗО В ОЦЕНКЕ Н.И. КАРЕЕВА

Е.Е. Михайлова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Михайлова Е.Е., 2023

DOI: 10.46573/2409-1391-2023-3-5-13

***Аннотация.** Рассмотрена концепция истории европейской цивилизации французского мыслителя середины XIX века Франсуа Гизо и оценка этой концепции, осуществленная русским философом истории, автором курса всеобщей истории, профессором Санкт-Петербургского университета рубежа XIX–XX веков Николаем Ивановичем Кареевым. Ф. Гизо представлен как историк, вносивший свои политические пристрастия в науку, а Н.И. Кареев – как интерпретатор такого явления. Дискуссионный материал выстроен вокруг трех тем: падение Римской империи; Крестовые походы; Франция и Великая французская революция. Сделан вывод о том, что историк как личность может иметь свои интересы и предубеждения, но как субъект познания он должен стремиться к максимально доказательному прочтению событий прошлого.*

***Ключевые слова:** Н.И. Кареев, Ф. Гизо, история, культура, историческая наука, общественные интересы.*

Воззрения французского мыслителя Франсуа Гизо (1787–1874) стали существенным интеллектуальным элементом дискуссий по поводу истоков культурного взаимодействия Запада и Востока. Исследователи солидарны в том, что, Гизо, занимавший в 1830-х годах пост министра образования во Франции, своими сочинениями так или иначе оказывал влияние не только на современников, но и на последующее поколение ученых [1]. В этом контексте его историческая концепция стала предметом анализа историков второй половины XIX – начала XX века, в частности Николая Ивановича Кареева (1850–1931) [5; 6], и до сих пор находится в фокусе внимания исследователей [7–10].

Цель статьи – рассмотреть, как оценивал Н.И. Кареев идеологически окрашенную концепцию европейской истории Ф. Гизо и насколько русский философ сам был свободен от подобного субъективизма в историческом исследовании.

В работе «Историка. Теория исторического знания» (1916) среди множества проблем Кареев рассуждает о нескольких видах субъективности в историческом познании. В его рассуждениях национальные, конфессиональные, политические и лично-оценочные субъективности сводятся к тому, что историки вольно или невольно смотрят на факты из прошлого сквозь призму своих личных пристрастий и особенностей современной им общественной жизни [4, с. 505]. Лекарством от такой «болезни» является грамотная, т. е. доказательная, логичная, критика источников. В интенции Кареева, процедура очистки фактов от субъективных суждений включает в

себя несколько шагов: элиминирование, проверку и терпимость к чужеродному. Первое означает исключение из фактов о прошлом всего того, что выступает следствием личностной предвзятости тех авторов, от которых исходят интересующие историка известия. Второй шаг связан с критическим анализом высказываний лиц, принадлежащих к среде, близкой по духу самому историку. Третий шаг дает возможность субъекту познания признать убедительными доказательства свидетельств о прошлом даже тех авторов, чьи взгляды не совпадают с его позицией или являются прямо противоположными [4, с. 505, 510].

Кареев отмечает у Гизо склонность смешивать два понятия: «история» и «идеология». Идеология носит классовый характер: это означает, что ее носители обладают мировоззрением, обусловленным их интересами, стремлениями, традициями, предрассудками и нередко мифами. История, наоборот, имеет, как любая наука, «бесклассовый» характер, она способна демонстрировать беспристрастное отношение ученых к фактам прошлого.

Историк, согласно рассуждениям Кареева, не должен принадлежать никакой идеологии. Однако сам русский философ грешил этим же: он был членом партии конституционных демократов, в одно время возглавлял Петроградский комитет кадетов и был депутатом Государственной Думы. Не стоит исключать, что, возможно, после всех своих, как правило, неудачных политических практик Кареев пришел именно к изложенному выше заключению. Партии, как он заметил, имеют обычно разные взгляды на истину: одни стараются скрывать факты, другие, наоборот, заинтересованы в раскрытии той или иной информации. Арбитром может выступать только сама наука. Профессионал старается дистанцироваться от субъективных интересов и не получать напрямую директивы от общественной группы [4, с. 506].

В сочинении Гизо «История цивилизации в Европе» (написана в 1845 году, переведена на русский язык в 1860 году) показана проблема становления цивилизации европейских государств как некоего единства («несмотря на большие различия во времени и в самом ходе»), как результат особых взаимодействий культур Востока и Запада [2, с. 16]. Оценка Кареевым трудов Гизо отчетливо происходит в свете трех главных тем: падение Римской империи и связанное с ним Великое переселение народов; Крестовые походы; Франция и Великая французская революция.

Падение Рима как тема исторического дискурса в XIX веке

Отметим перед началом изучения темы, что мировой процесс Гизо рассматривает как диалог различных культур. По наблюдениям исследователя, этот диалог проявляется в «бесконечном разнообразии форм, идей, начал, в их соперничестве, в их стремлении к известному единству, который никогда, может быть, не будет достигнут, но к которому путем труда и свободы вечно будет стремиться человеческий род...» [2, с. 43]. В качестве символической точки отсчета становления европейской цивилизации Гизо берет именно время падения Римской империи и появление на ее территории государств-преемников.

В первых лекциях, посвященных дихотомии Запада и Востока, Гизо говорит о переходе от варварства к цивилизации. Речь идет о периоде со времени падения Римской империи и до создания империи Карлом Великим. Тема Востока (по признанию самого французского автора) представляет для него интерес только с точки зрения внешних взаимосвязей с Западом [2, с. 44]. Историю завоеваний Рима Гизо воспринимает как перманентный процесс захвата восточных городов (с ними Рим боролся, заключал договоры, колонизировал их). При этом он подмечает, что городов на Востоке было мало, население распределялось, как правило, по большим

территориям и было трудно консолидировать его под своей властью, поэтому стала формироваться новая правовая система удержания присоединенных территорий, названная впоследствии римским правом.

Важная тема для Гизо – муниципальное устройство в эпоху Античности и восприятие правовых античных традиций государствами – преемниками Римской империи. Рим оставил историкам свидетельства вариантов муниципального устройства. Римский город – скопление многочисленного населения, сконцентрированного в одной локации. Гизо показывает динамику распространения городов. Как небольшие государства, созданные для отдельной, самостоятельной жизни, города объединялись, разъединялись и возникали во всех сторонах света. Покорить эти города можно было достаточно быстро, а вот удержать в своих руках удавалось с трудом. Чтобы осуществлять последнее, как мы говорили выше, сложились империя как форма правления и римское право, легитимирующее власть административного деспотизма и военной системы. Посредством этой силы Римская империя довольно долгое время удерживала связь между своими провинциями и до определенной поры сопротивлялась одновременно и внутреннему, и внешнему распаду от нашествия варваров. Но пришло время, когда «и цезаризм, и рабство оказались одинаково бессильными поддержать это громадное разрушающееся тело» [2, с. 45–46]. Империя пала, и дальнейшее развитие событий показало, что каждый гражданин города ментально захотел принадлежать только своему муниципальному устройству.

Таким образом, римский мир образовался как совокупность городов и в итоге распался на города. Такой красивой фигурой речи Гизо подчеркивает устойчивость традиций городского муниципального устройства [2, с. 49]. Он подмечает, что на стыке античной и средневековой культур «выросли» три общества: муниципальное, христианское и варварское. В первом общественном устройстве сохранялась дихотомия «независимость/подчинение», во втором – «духовность/светскость», в третьем – «ученое законодательство римлян / военное патронатство, основанное на выборе и чувстве личной независимости» [2, с. 59–60].

Следует отметить, что Гизо выступал против однобоких теорий происхождения общественного строя Европы. «Нам казалось, что в истории европейской цивилизации ни один из ее элементов не пользовался исключительным преобладанием, что все они существовали в состоянии постоянного смешения, борьбы, взаимных уступок...» [2, с. 65]. Для Гизо период с V века, с падения Римской империи, до IX века – это время непрерывного движения и общего замешательства. Особенной подвижностью и пластичностью отличались четыре сословия – свободные люди, ленники, вольноотпущенные и рабы: «Повсюду движение, непрерывный переход от одного сословия в другое, общее замешательство, непрочность во взаимных отношениях общественных сословий» [2, с. 70]. Тот же хаос Гизо фиксирует и в организации политических и социальных учреждений. Складывающиеся системы – королевская власть, аристократия и муниципальные учреждения – все они тоже еще неустойчивы [2, с. 70–71]. «В государствах господствует та же подвижность: они создаются и уничтожаются, соединяются и разъединяются. Нет ни границ, ни правительств, ни народов. Повсеместное смешение, положений, принципов, фактов, рас, языков – такова варварская Европа», – восклицает Гизо [2, с. 72].

Подвижность и пластичность, имевшие место с V по VIII век, особенно ярко видны в процессе Великого переселения народов, во время которого главными действующими лицами на северо-востоке были германцы и славяне, а на юге – арабы. «Народы беспрерывно меняли свое местопребывание, теснили, давили друг друга, ... повсюду возобновлялась бродячая жизнь» [2, с. 73]. Каждый шел искать свое счастье в

других странах. Постепенно образовались две локации: германцы и славяне – на реке Рейн, арабы – на Средиземном море [2, с. 73–74]. Положение Европы накануне цивилизационного становления было весьма сложным: ее народы, теснимые с юга магометанами, с севера – германцами и славянами, оказались потревоженными, столкнулись с чужаками на своей территории. IX–X века Гизо считает временем перехода Европы из варварского состояния в цивилизованное. В качестве аргументов в пользу этого тезиса он приводит такие факты античной жизни, как оседлость населения, определенность границ государств, кодификация законов, муниципальное устройство как равный союз горожан перед законом [2, с. 78, 91, 109].

Кареев соглашается с Гизо в том, что античное римское наследие, начиная со Средневековья, можно считать началом европейской цивилизации; как и французский мыслитель, признает родное ему отечество (Францию) в качестве продолжателя традиций римской провинции Галлии [3, с. 384]. Однако в отличие от Гизо, который полагает, что Восток не оказал особого влияния на становление европейской цивилизации, Кареев говорит о длительном историческом переплетении политических форм. Со времен завоеваний Александра Македонского восточная деспотия укоренилась в римском праве, а греческое муниципальное устройство стало частью политической системы восточных, в частности персидских, монархий. «Эллинизация Востока дополнилась романизацией Запада», – такими словами Кареев обозначает политический симбиоз Запада и Востока [3, с. 382]. Русскому историку-позитивисту симпатизирует поливариантная позиция Гизо, в которой нет однозначной оценки (например, по поводу того, кем являются римляне (стражами цивилизации или рабами деспотизма), завоевателей Рима (разрушители или «воскресители» Европы)). Эти вопросы остаются актуальными и сегодня в силу политических, социальных и религиозных контекстов. Исследователи отмечают, что до сих пор при истолковании свидетельств прошлого позиции ученых излагаются в терминах «германист» или «романист» [1, с. 179–180].

Крестовые походы как начало диалога между Западом и Востоком

Гизо выделяет три периода европейской истории:

- 1) с V по VII век – возникновение;
- 2) до XVI века – колебания и кризисы (здесь главным событием стали Крестовые походы);
- 3) в XVI веке – складывание основных общественных форм, главными из которых стали королевская власть, муниципальное устройство городов и церковная система [2, с. 187].

Согласно рассуждениям Гизо, Крестовые походы (XI–XIII века) – это событие огромной важности. Во-первых, оно глобально изменило положение народов и без его изучения сложно было бы понять общий ход истории взаимоотношений Запада и Востока. Во-вторых, выступило первым общеевропейским событием: «Короли, рыцари, горожане, земледельцы – все участвовали в Крестовых походах, все одинаково сочувственно относились к ним» [2, с. 188]. В-третьих, благодаря этим походам народы Европы были объединены общим стимулом – христианской верой: «Крестовые походы обнаружили существование христианской Европы» [2, с. 188].

Представляет интерес изменение умонастроений участников Крестовых походов, которое фиксирует Гизо. В первый поход феодальные дворяне отправились в путь, полные энтузиазма и отваги. Но постепенно завоевательная энергия крестоносцев начинает угасать, многие из них желают остаться на завоеванных землях. Другим настроением характеризуется народ, составляющий войско: он по-прежнему воодушевлен

и желает идти к Иерусалиму. Именно в этот момент Крестовых походов, подмечает Гизо, личные цели впервые были подчинены народным интересам. Уловив, что простым людям крайне импонирует образ «защитника Святой земли», короли во втором походе встали во главе своих войск. К третьему походу настроение европейцев трансформируется. Результаты первых походов были сведены на нет. Христианское королевство, основанное в Иерусалиме, вновь было покорено мусульманами. Никто из прежних участников не был в состоянии возобновить походы. Исследователи объясняют это тем, что государи и народ устали. Гизо уточняет слово «устали»: «Трудно допустить, что люди могут быть утомлены тем, чего они не делали, утомлены усталостью своих предков» и объясняет политическими и нравственными преобразованиями тот факт, что указанные походы перестали отвечать потребностям и желаниям людей [2, с. 189–190]. Таким образом, картина смены умонастроений всех крестоносцев, согласно Гизо, выглядит следующим образом: желание воевать, путешествовать или чувствовать себя защитниками Святой земли – усталость и истощение сил – смена потребностей (не быть завоевателями, а воспринимать традиции). На последнее – желание усваивать культурные традиции врагов – французский мыслитель обращает особое внимание. Согласно Гизо, Крестовые походы – это апогей четырехвековой войны двух религиозных систем: христианской и мусульманской. Театром военных действий сначала была Европа, потом Азия. На смену кровопролитным сражениям приходит постепенное понимание важности культурного обмена. Крестоносцы на первых порах, разумеется, ненавидели мусульман, потом невольно вступали с ними в контакт, вели переговоры, находили общие интересы. Гизо пишет о том, как путешественники из Китая и Татарии выступали в роли проводников культуры. Он рассказывает о двух венецианских купцах, которые, следуя за монгольскими посланниками, добрались до самого великого хана и потом несколько раз были на приеме у царственной особы. В одной из делегаций был Марко Поло. Генуэзцы, пизанцы, венецианцы выбирали путь на Восток, в том числе и через Россию, где они находили удобные обходные пути, а также, что важно, нужных им переводчиков.

Таким образом, благодаря путешественникам и торговцам складывались две формы культурного взаимодействия: хозяйственная и духовная. Первая форма выражалась в прокладывании коммерческих путей, вторая – в зарождении в умах монастырских книжников (а впоследствии и университетских профессоров) желания изучать искусство, верования, языки чужих народов. Так, воплощением такого желания стало открытие в Парижском университете кафедры татарского языка. Оценивая уникальность ситуации, Гизо цитирует ученого Жан-Пьера Абея-Ремюзы: «Мир как бы расширился со стороны Востока; ... страсть к открытиям сделалась новой формой, в которую облекся предприимчивый дух европейцев» [2, с. 193].

Кареев в целом согласен с интерпретацией Гизо Крестовых походов: он тоже называет их «замечательным событием» двухвековой борьбы (1096–1291) христианской Европы с мусульманским Востоком. Он полностью разделяет идею Гизо о том, что эти походы стали своеобразным мостом в процессе взаимовлияния культур Запада и Востока. В свою очередь, Кареев обращает внимание на смену действующих лиц на Востоке. Первенство переходит от арабов к туркам. Русский философ считает, что турки-сельджуки оказались более опасным врагом Византии, чем арабы, поскольку они не сумели поддержать выработанную арабами культуру, не переняли их способность быть не только завоевателями, но и миссионерами. Полные религиозного фанатизма, они с удвоенной энергией продолжили нападать на христианство, и Кареев,

в отличие от Гизо, видит в этом главную причину Крестовых походов: именно опасность со стороны турок заставила Византию просить помощи у Запада [5, с. 99].

Важным итогом становления европейской цивилизации, по наблюдениям Гизо, явилось усиление королевской власти. Сколько бы церковь и городские общины ни пытались вернуть утраченные привилегии, к XVI веку указанная власть стала доминировать повсюду. В качестве причин столь сильного и широкого ее распространения Гизо называет беспроегрышный мощный эффект насильственного присвоения власти; гибкость многих правителей, их способность приспособляться к множеству разнородных обстоятельств; умение церемониально олицетворять державность по праву и др. Наступило время, когда королевская власть стала устраивать все сословия европейских государств: духовенство уважало ее за религиозность; юристам нравилось легитимное оформление имперской монархии; дворянство встало на ее сторону за возможность избирательной власти [2, с. 206, 209, 221].

Гизо часто любил повторять: сила власти – в ее форме и размерах. Идеологию либерального консерватизма отражают заключительные слова из книги «История цивилизации в Европе»: «Общая свобода всех прав, всех интересов и мнений, свободное развитие всех влияний и законное, совместное существование их – вот единственная система, при которой всякая сила, всякая власть может быть заключена в законных пределах, без стеснения других общественных элементов...» [2, с. 329]. Именно в связи с ними возникает вопрос о предубеждениях Гизо, о том, не победил ли в нем политик историка. Кареев учитывает тот факт, что в своей практической жизни Гизо придерживался идеологии либерального консерватизма, занимал ряд должностей во французском правительстве середины XIX века. Министр внутренних дел, министр образования, министр иностранных дел, премьер-министр – вот неполный список политических должностей французского мыслителя, который только после отставки занялся историей и философией истории. Нельзя смешивать задачи политической деятельности и научного исследования, считает Кареев. Проигравшие партии боятся суда истории. Чтобы смягчить приговор времени, они создают легенды для своей защиты, скрывают факты, всячески стремятся «подчинить науку», проявляя тем самым «боязнь умственной свободы» и своего рода ортодоксальность [4, с. 507]. Исследователь прошлого не должен оставлять в научных результатах «следы» своих политических интересов. Между тем Гизо для Кареева служит примером автора, чьи тексты оказались пронизанными предубеждениями: одни из них видны сразу (идеи короля, императора, абсолютной священной власти), другие слиты с основным массивом источников и отделять их нужно постепенно (взгляды на муниципальное устройство, второе сословие и т. д.)

Франция и Великая французская революция

Для Гизо Франция (по крайней мере с XVIII века) – это центр европейской цивилизации. Ее генетическим «плато» считается провинция Галлия, которая не принадлежала полностью ни римскому, ни германскому миру, она – мост между двумя этими мирами, собирающий их, несмотря на разнородность, воедино [9, с. 73]. Задавая такую тональность, французский историк справедливо оговаривает тот факт, что Франция не всегда стояла во главе всех наций. Например, в XIII–XIV веках, в эпоху Возрождения, первенство в делах искусства принадлежало Италии, а в XVII веке в отношении политических учреждений – Англии. Однако все идеи и цивилизационные учреждения, сформировавшиеся на почве европейских культур, получали повсеместное распространение только после переосмысления их французским обществом. Так, говорит Гизо, два принципа цивилизации – монархическая власть и философские

системы – зародились не во Франции: образцом абсолютизма выступает Испания, а Англия – родина свободных философских исследований. Но эти два принципа развились только тогда, когда прошли сквозь призму французской мысли, т. е. прижились на ее культурной почве и только потом уже были усвоены повсеместно [2, с. 312].

В эпоху Просвещения, по мнению Гизо, философствующая Франция в плане развития свободы больше помогла Европе, нежели революционная, вольная Англия. Французское государство, могущественное и деятельное, оставило далеко позади все другие европейские страны. Делая такой довольно безапелляционный вывод, Гизо все же отмечал, что в XVII веке были народы, которые рельефнее французов выступали на «сцене исторического мира», активнее творили свою судьбу, например германские в Тридцатилетней войне, многие слои населения в Англии во время революции (1639–1660), да и правители Европы XVIII века – Фридрих II в Пруссии, Екатерина II в России, Мария-Терезия в Австро-Венгрии – были большими авторитетами в своих странах и на международной арене, чем Людовик XV. Но все же, заключает Гизо, Франция стоит во главе европейской цивилизации благодаря разнообразным формам политической деятельности своих правителей и умственному развитию общества [2, с. 313].

Если говорить о Великой французской революции, то Кареев считает, что подавляющее большинство крупных историков были ее апологетами, но расходились в частностях. Так случилось и с Гизо. Будучи сторонником либеральных консерваторов, он ратовал за преобразования в своем отечестве, но только не революционным путем. Гизо видел Францию страной, чья судьба отразила на себе ярче всего историю всей Европы. Чтобы доказать превосходство французской цивилизации, Гизо сравнивал ее с английской, немецкой, итальянской и испанской. Выводы Гизо сводятся к тому, что Франция полнее всех других государств воспроизводит общий тип, основную идею цивилизации. По мнению этого философа, в Англии интеллектуальное развитие отстало от социального, в Германии, наоборот, социальное довлело над умственным, в Италии между обеими формами не было надлежащего взаимодействия, а испанская история слишком отрывочна, чтобы судить о становлении цивилизации. Только Франция избежала односторонности Англии или Германии, а также разрозненности Италии и Испании, и это придает французской истории особую емкость, в других странах не фиксирующуюся. В результате позицию Гизо, как считает Кареев, полностью разделили только сами французы. Исследователи других стран, разумеется, критически отнеслись к посылу его книг. Кареев резюмирует эту интеллектуальную ситуацию такими словами: «Историческая наука никому не может запретить так или иначе оценивать факты прошлого, лишь бы сами они не искажались в угоду той или иной эмоции» [4, с. 513]. Задача историка, как и любого ученого, состоит в том, чтобы изучать причины возникновения фактов, изменения, которым они подверглись, и следствия, к которым они привели. Если историк ставит вопрос о том, что было бы (обращается к сослагательному наклонению в трактовке истории), то он невольно скатывается в сферу гаданий [4, с. 518]. Субъект познания, разумеется, не может высказывать оценочные суждения, но они не должны приписываться выявленным событиям прошлого и тем более управлять ими. Так Кареев резюмирует свои суждения по поводу имманентно присущей субъективности в историческом познании.

В заключение приведем характерную ремарку, подчеркивающую полилогичность взглядов Кареева. Русский философ считает, что историософия Гизо идеологична в том смысле, что тот не скрывает своей неприязни к революции и классовой борьбе. Однако критика Гизо за его политическую предвзятость не

помешала Карееву считать, что наследие французского историка «должно быть принимаемым в расчет для характеристики Гизо как философствующего историка» [6, с. 159–160]. Труды Гизо, написанные в середине XIX столетия, и их оценка Кареевым, осуществленная на рубеже XIX–XX веков, по-прежнему важны для современности как продолжение разговора о профессионализме историка. Трактовки обоих философов, разумеется, не означают равноценность и объективность их позиций, однако открытость к интерпретациям придает текстам вышеназванных авторов особый историософский и общественный интерес.

Библиографический список

1. Вуд И. Споры о падении Рима: от «старого порядка» до создания «поздней Античности» // *Vox Medii Aevi*. 2019. № 1 (4). С. 175–202.
2. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.
3. Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. Очерк политической, экономической и культурной эволюции Древнего мира под господством универсальных монархий. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 395 с.
4. Кареев Н.И. Историка. Теория исторического знания // Кареев Н.И. Избранные труды / сост., автор вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. 600 с.
5. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. М.: Либроком, 2011. 304 с.
6. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Изд. 3-е. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 468 с.
7. Матвеев С.Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Высшая школа экономики, 2019. 232 с.
8. Михайлова Е.Е., Соболева Н.А. Н.И. Кареев о диалоге культур в русле воззрений западноевропейских философов XVIII–XIX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 3 (53). С. 150–161.
9. Тюгашев Е.А. Российская цивилизация: проблематизация концепта (об идеях Ю.М. Резника в свете концепции Ф. Гизо) // Социальная онтология России: сборник научных статей по докладам XV Всероссийских Копыловских чтений / под ред. М.В. Ромма, В.И. Игнатъева, В.Г. Новоселова, Л.Б. Сандаковой. Новосибирск: НГТУ, 2021. С. 191–197.
10. Таньшина Н.П. Образы Античности в интеллектуальном наследии Франсуа Гизо // ШАГИ/STEPS. 2018. Т. 4. № 2. С. 68–79.

SCIENCE AND ART IN THE REFLECTION OF N.I. KAREEV

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

***Abstract.** The concept of the history of European civilization by the French thinker of the mid XIX century Francois Guizot and the evaluation of this concept carried out by the Russian philosopher of history, author of the course of universal history, professor of St. Petersburg University of the turn of the XIX–XX centuries Nikolai Ivanovich Kareev are considered. F. Guizot is presented as a historian who contributed his political preferences to science, and N.I. Kareev – as an interpreter of such a phenomenon. The discussion*

material is built around three themes: the fall of the Roman Empire; the Crusades; France and the Great French Revolution. It is concluded that a historian as a person may have his own interests and prejudices, but as a subject of knowledge he should strive for the most evidential reading of the events of the past.

Keywords: *N.I. Kareev, F. Guizot, culture, science, art, positivism, hermeneutics.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

About the author:

MIKHAILOVA Elena Evgenievna – doctor of philosophy, professor of the department of psychology, history and philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

УДК 342:101

К ВОПРОСУ О ГЛАВЕНСТВЕ ПРАВА КАК ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

О.И. Туманова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Туманова О.И., 2023

DOI: 10.46573/2409-1391-2023-3-13-16

Аннотация. *Указано, что сегодня развитие государств и проводимая ими политика проходят не под эгидой перспектив взаимовыгодного долгосрочного сотрудничества, но под активным влиянием текущей конъюнктуры, продиктованной желанием устанавливать правила, выигрышные для отдельных стран и наций. Отмечено, что это не только наносит вред обществу, но и в отдельных случаях ставит под угрозу мировое развитие. Сделаны выводы, что в текущих политических условиях, когда происходит смена миропорядка, ключевым обстоятельством, позволяющим государству оставаться не только сильным игроком на карте мира, но и защищать интересы собственных граждан, становится обеспечение суверенитета, а это, в свою очередь, означает главенство права, составляющее основу политики, что приоритет закона и соблюдение норм, в том числе и международного характера, выступает важнейшей задачей, стоящей перед властью.*

Ключевые слова: *государство, право, суверенитет, легитимность.*

Утверждение немецкого философа Г. Гегеля о том, что государство «находится в мире, тем самым в сфере произвола, случайности и заблуждения» [2, с. 285], особенно точно отражает уязвимость данного политического института в современном мире. В условиях глобального изменения миропорядка существование и развитие любой страны зависят в первую очередь от решений, принимаемых в целях осуществления